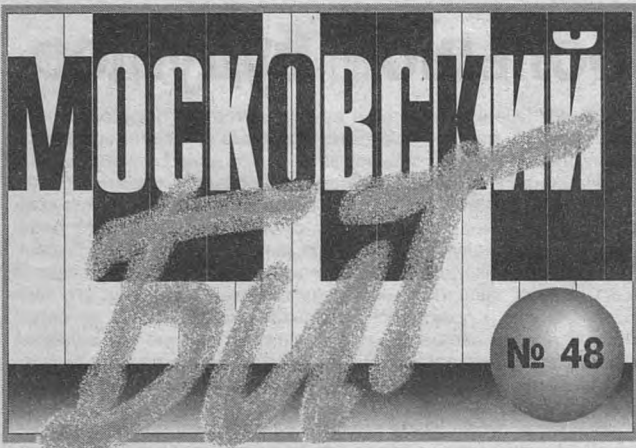

Расскажи Чайковскому новости.
Чак Берри

Ведущий
Олег ПШЕНИЧНЫЙ

Друзья! Прежде чем перемывать кости Гребенщикову (любимое занятие «восьмидесятников»), давайте поздравим дедушку музыкальной журналистики, кавалера всех крестов первой и второй попсовых войн, человека, который вместе с Артемом Троицким ввел в советскую журналистику термин «рок-музыка», — Юру Филинова с пятидесятилетием. Это Юра создал в семидесятых годах «Звуковую дорожку» в «МК», а в восьмидесятых — клуб «33 и 1/3» в «Комсомолке». Это Юра помог своему тезке Шевчуку проломить железобетонные советские стены и не расшибить лоб. Но главное, может быть, не это. Ведь Юра и сегодня моложе Мика Джаггера и Пола Маккартни, и пусть не обгонит их в возрасте еще лет пятьдесят

В минувшем году в музыкальной жизни нашей страны произошло уникальное событие, которое прошло почти что незамеченным. Незамеченным — по сравнению с его реальным значением: были, конечно, и пресс-конференции, и презентационные концерты, и многочисленные интервью, но... В дежурной обыденности этих акций как-то затерялся огромный, даже трудно постижимый символический смысл, наполняющий свершившийся факт записи Борисом Гребенщиковым своего очередного альбома «Лилит» в сопровождении американо-канадской группы The Band.

The Band — ансамбль с самым, пожалуй, невыигрышным названием в истории мировой рок-музыки — наверное, и самая малоизвестная в России из всех когда-либо существовавших выдающихся рок-групп. Классический второй альбом The Band с одноименным названием, записанный в 1969 году, входит в число лучших рок-альбомов всех времен — по последним оценкам западных специалистов, а лучшие альбомы Deep Purple, например, в подобных списках, как правило, с трудом попадают в первую сотню.

Но для Гребенщикова столкновение с The Band было, так сказать, «чудом в квадрате». Свои ранние и лучшие песни лидер «Аквариума», как известно, создавал под огромным влиянием американского рока шестидесятых годов — Боба Дилана, Grateful Dead, The Doors и т. п. И вот судьба сводит его с группой, которая, помимо прочего, прославилась как аккомпанирующий состав Боба Дилана, создавший, может быть, самые лучшие аранжировки его классических песен. Песен, весьма артистичной «калькой» которых на советской почве во многом и являлся хитроумный БГ. С живыми источниками творческого вдохновения своей молодости их талантливый интерпретатор столкнулся нос к носу четверть века спустя.

Встреча эта произошла, как ни странно, практически случайно. Как ни странно — потому что у БГ, как известно, давно уже вошло в привычку общение с западными рок-звездами — от Дэйва Стюарта до Игги Попа. Правда, все это имело весьма слабое отношение к его художественным корням. Провал «Radio Silence» памятен многим. И вот поистине свершилось чудо.

Сам БГ утверждает, что у него и в мыслях не было записываться в Америке. По его словам, он, приехав по совершенно другим делам в Нью-Йорк, подружились там с художником-эмигрантом Дмитрием Стрижовым, который, услышав новые гребенчиковские песни, загорелся идеей записать их в США. Стрижов продал все свои картины, БГ — три гитары из имевшихся у него пяти и автомобиль. Оба залезли в долги. «Стрижов произвел фантастические какие-то усилия» (БГ). Приятель Стрижова, блюзовый

КРУГОВОРОТ В ПРИРОДЕ

Новая газ. — 1998. — 2-8 февр. — 13.

пианист Бен Кэй, посоветовал ребятам записаться в легендарном Вудстоке, где студии подешевле. Постепенно нарисовалась местная «Bearsville Studios», в которой почти тридцать лет назад The Band записывали свой блестящий первый альбом «Music From Big Pink», лучшие песни которого были записаны в соавторстве с Бобом Диланом. Незадолго до той записи Дилан разбился на мотоцикле и серьезно вышел из строя, что, собственно, и подтолкнуло осиротевших The Band к началу самостоятельного творчества.

Когда начались переговоры с «Bearsville Studios», Бен Кэй описал своего протеже как «русского Боба Дилана», что, естественно, вызвало у ветеранов студии живую реакцию. Выяснилось, что The Band, ныне собирающиеся очень редко, но сохранившие двух членов золотого состава — басиста

русским! Увы, остальной Америке, равно как и в дальнейшем почти всей России, на эту сенсацию было глубоко наплевать.

Узнав, что с ним хотят записаться The Band, БГ, по его словам, был очень растерян и смущен. Но разохотевшиеся ветераны настаивали, и деваться было некуда. Практически за три дня, с 5 по 7 октября 1997 года, уникальным составом альбом «Лилит» был записан. Органист Гарт Хадсон совсем незадолго до этого отпраздновал свое 60-летие. «Фантастический музыкант! Лучший в мире исполнитель на клавишных инструментах», — сказал о нем БГ, и в данном случае был не очень субъективен.

Изучая альбом «Лилит», российские аквариумофилы должны испытывать странное чувство, впервые в жизни слушая песни своего кумира в безупречных, очень теплых и лаконичных аранжировках. «Их

Давным-давно: The Band

Данко и клавишника Хадсона, живут там же, неподалеку. Студийцы связались с ними, и, услышав про «русского Боба Дилана», The Band тоже оживились. И предложили свои услуги в качестве сессионных музыкантов и аранжировщиков. Бен Кэй и «Bearsville Studios» были в восторге: назревала сенсация, но, как ни странно, лишь местного, вудстокского масштаба. Тамошние аборигены зашевелились: как же, старички The Band снова собираются, чтобы записаться с каким-то

секрет — в скользящем органе Гарта Хадсона и коллективном чувстве ритма, — писал Грейл Маркус. — В любой настоящей рок-группе каждый музыкант должен от чего-то отказаться, чтобы работало общее целое. Музыканты The Band играют как бы с легкой оглядкой, замечая и не замечая друг друга. Никто никому не уступает. Так жесткий, но открытый; короткие быстрые риффы выстреливают из-за спины вокала без предупреждения, вокал вытекает из мнимослучайных аккор-

Фото Олега БЕЛИКОВА

дов. Все музыкальные составляющие объединяются, чтобы заткнуть слушателя в лабиринт, и никто не знает, что таится на следующем повороте» (перевод В. Спаского-Соловьева).

Перелетев через океан для тиражирования, звуковое искусство The Band подверглось жестокому испытанию русской халевой. Фирма «Solyd Records», куда Гребенщиков перебрался с агонизирующего «Триария», ухитрилась выпустить «Лилит» без цифрового мастеринга. Вокал самого БГ на альбоме звучит стильно, но несколько устало, вызывая определенные ассоциации с Пилмором на «Division Bell».

Феномен замкнувшегося круга, в котором оказался Гребенщиков, записавшись с The Band, предстоит еще долго осмысливать. Хочется верить в одно: в то, что одна из величайших — без преувеличения — групп в истории рок-музыки войдет наконец в круг российских меломанских приоритетов. Хотя бы с черного хода.

● Сергей ГУРЬЕВ

Остановка в пустыне

В давние-предавние времена канонического «Аквариума» новый альбом, едва ли не каждая новая песня фиксировали события нашей жизни, составляя при всей внутренней динамике определенную целостность. Как минимум два поколения слушателей — поколение дворников и сторожей и следующее за ним — восприняли эту целостность как речь от своего имени, наделив автора этих текстов саном своего пророка, радостно узнавая себя в мы.

Перелом произошел в 1991 году: «Русский альбом» настолько выпадал из привычного ряда ассоциаций, что поначалу многими был воспринят как неудачный. Смысл его заслонялся и теми социальными событиями, с которыми он совпал, и тем, что записан он был не с «Аквариумом», а с группой «БГ band», и его мелодической новизной. Смысл «Русского альбома» стал проявляться только с выходом «Навигатора» и обнаружился как смена ориентира. На прежнее День Серебра, Музыка серебряных спиц, Серебро Господа моего «Русский альбом» отвечал: Мы знаем, каково с серебром; / Посмотрим, каково с кислотой... Движение продолжается — Звезды наверху, а мы здесь — на пути... но его направление меняется — А кони понесли — да все прочь от тебя... Его новый ориентир — Ты гори, Серафим, золотые крылья — / Гори, не стесняйся, путеводной звездой. / Мне все равно — я потерял удила, / И нет другого пути, только вместе с тобой... Карты «Навигатора» будут вычерчены по этой же путеводной звезде.

Между тем растерянная аудитория примеряла к себе мы «Русского альбома» — Вышли мы впридавку, мундиры в оборку; / Солдатики любви — синие глаза...

Вскоре БГ определенно сложил с себя полномочия пророка поколения, отказавшись быть и в списке судей, и в претендентах на трон.

Дальнейшие события — «Навигатор» (1995) и «Снежный лев» (1996) только подтвердили, что речь идет теперь не о происходящем с аудиторией, но о происходящем с... лирическим героем. Узнать себя в мы, которые В инфракрасный прищел / Мы видны как небесный ОМОН, было, разумеется, решительно невозможно. Аудитории отводилась теперь лишь надлежащая ей роль в буквальном значении слушателя, внимающего рассказу об опыте сугубо личном, хотя и имеющем несомненную объективную ценность: пророчество сменялось свидетельством. Свидетельством ироническим: кислота на месте серебра делала свое дело, и вот уже на прежнее Здравствуй, сестра «Навигатор» отвечал: И в каждом порту меня ждет сестра / И жаждет меня спасти, а на культовый город золотой «Снежный лев» огрызнулся: На кой мне хрен ваш город золотой! Идеал «Навигатора» иной: Но тот, кто сторожит баржу, красив / Неземной красотой... И если в «Русском альбоме» Вышел, чтоб идти к началу начал, / Но выпил и упал — вот и весь сказ звучало трагически, то в «Снежном леве» Я разбил свой лоб в щепенку / Об

начало всех начал звучит уже по ту сторону трагедии...

И вот — «Лилит» (1997). И музыкальная, и стиховая ткань этого альбома сплетены из хорошо узнаваемых нитей — синее с золотом, Ван Гог умер... а мы еще нет, стрелка часов ост-ра, ветер в моих парусах и т. п. Было бы изрядным удовольствием расписать «Лилит» строчку за строчкой с подробным комментарием. Может быть, удовольствием даже большим, чем просто слушать, тем более что нас приглашают к игре в шарады:

Только не спрашивай меня, что я люблю, — Говорящий не знает, а незнающий не говорит.

Это Саади, «Цветник роз», классика суфизма:

О утренняя птица, научись любви у мотылька, Который без единого слова сгорел и стал духом. Те, кто похваляются, будто мнут ее, не имеют от нее вестей, А о тех, кто получили от нее весть, более не приходят вести.

Ирония в «Лилит» не так прямолинейна, как в «Навигаторе» или «Снежном леве», и некоторые вещи поражают своей подлинностью — вроде строчки об ангеле: я узнал его по холоду крыл. Однако истинный message альбома, кажется, иной: У некоторых сердце поет, у некоторых — болит. / Он нажимает на «save», она нажимает «delete». Здесь есть отсылка одновременно к старому культовому тексту «Аквариума» — Но каждый закат сердце поет под стеклом — и, между прочим, к Александру Блоку: Да, я был пророком, пока это сердце молилось — / Молилось и пело тебя, но ведь ты — не царица. Хороший фон для альбома, посвященного, по признанию его автора, «сакральности женщины»? Другой вопрос — верить ли подобным признаниям...

Еще один настоящий мотив альбома — прекращение движения. Поезд летит по пути из Калинин в Тверь. Солнце остановится в небе. Тяжелый рок, законы природы и все остальное висит надо мной. Я стою под твоим балконом, / Я жду, когда он упадет. Наконец, я держусь на краю. Этому есть объяснение — Любовь завела меня в тень. И — так сложно стало / Выйти из тени на свет.

В «Лилит» практически нет мы. Есть я — и все, каждый, они... Мы здесь — герой и Тень. Несколько исключений: В наше время, когда крылья — это признак падения, Мы долго плыли в декорациях моря, / Но вот они — фанера и клей. Мы кружим вальс при свечах; / Каждый с пелам в руке и с мертвецом на плечах. Мы отчетливо распадается на каждый, каждый, каждый...

Наверное, настоящее открытие этого альбома впереди. Когда появится следующий. Путь, к счастью, не закончен. Я все равно не сверну. Я никогда не сверну — / И посмотрим, что произойдет. Посмотрим. Мы ведь можем только долго смотреть ему вслед — с уважением и сочувствием. Как смотрят на исследователя, привившего себе чуму.

● Ирина КОВАЛЕВА